
Александр РЫБИН

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

Рассказ

Мне надо было перебраться от одних курдов к другим. От иракских к сирийским. Через великую реку человеческих цивилизаций — Тигр. Поэтому вторую неделю я жил у знакомой француженки в городе Сулеймания на севере Ирака. Француженка преподавала в местном лицее. Лицей снимал для нее целый этаж в трехэтажном особняке.

Сули (кратко называют Сулейманию местные) считается культурной столицей всего Ирака, иракский Петербург. Основная масса населения — курды, говорящие на диалекте сорани. Очередной вечер, француженка-преподавательница потащила меня на тусовку, где «будет готовиться рыба в лучших традициях шумеров и Багдада». Сложно отказать, когда твои финансовые возможности позволяют обычно съесть «что-нибудь самое дешевое». Мы приехали на виллу где-то в узких улицах недалеко от центра города. На Ближнем Востоке самый большой разгул обычно творится за закрытыми дверями, когда вокруг надежные люди или кто-то типа надежных людей, которые отчетливо понимают, что позволительно впоследствии рассказывать другим людям, а что — нет.

Такси высадило меня и француженку перед глухой каменной стеной, в которую были вмурованы крепкие металлические ворота. Моя приятельница постучала в ворота ногой. Сначала через металл по-курдски спросили: «Кто пришел?» После ответа на диалекте сорани загромыхали запоры.

На вилле выпивали полтора десятка чернявых парней и две девушки — обе из Европы, как позже выяснилось, венгерка и курдянка из Германии. Перед входом на виллу раскладывал костер в высокой круглой клумбе мужчина в нетипичном для местных наряде — рубашка и брюки очень ярких оттенков, местные предпочитали черные и коричневые цвета. «Привет, я — Александр, русский», — представился я. «Фарадж. Из Багдада. Араб. Тут — беженец», — уверенно по-английски представился «нетипичный». Затем я обошел всех остальных, сидевших на диванах в гостиной виллы. Немецкая курдянка была уже порядком пьяна и хлопала по плечу или по ноге то одного, то другого из парней. Им явно нравилось.

Фарадж готовил мазгуф — старинное иракское блюдо из выловленной в Тигре рыбы, конкретно из карпа. Это было в тот момент интреснее для меня, чем межполовые игрища, развивавшиеся в гостиной. Мы разговорились. Фарадж рассказал свою историю:

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фрилансжурналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

дизайнер по образованию, вокруг богатый и бодрый город Багдад, где жизнь кипела, хотя и укрытая ночной тьмой и стенами дружественных вилл («с телками проблем не было, посигналил из крутой тачки, и она сразу же прыгнула в салон»), состоятельная семья, потом американское вторжение, война, радикалы взрывались на заминированных автомобилях на улицах, где даже не было американских солдат. Тут он прервал рассказ и прикрикнул на развалившихся по диванам ребят по-арабски; некоторые засуетились, вышли во двор и принялись ломать деревянные ящики на дрова. «Мои родители настояли, чтобы я перебрался в Сулейманию, потому что здесь гораздо спокойнее, а я единственный ребенок, — продолжил свой рассказ Фарадж. — Остался единственным: младший брат и сестра погибли. Попали под американскую бомбардировку, когда ездили к родственникам в провинцию. В Сули очень безопасно. Но найти работу по профилю сложно. Много образованных ребят с интересным опытом, полученным за границей». Основным заработком для него стала работа поваром в ресторане. «Мы будем готовить мазгуф из этого, — Фарадж ткнул пальцем в бок рыбы. — Слышал про такое блюдо? О-о-о, — поднял сжатую в щепоть правую руку перед моим лицом, — этому способу приготовления карпа тысячи лет. Шумеры, которые основали первые государства в Месопотамии, ели мазгуф. Речную рыбу они почитали выше, чем морскую. Считали, что она умнее и хитрее, потому что должна плавать по узким рекам, а не по бескрайнему морю». Он взрезал карпа и развернул его, как сложенный вдвое лист. Обмакнул пальцы в вазочку с залитой оливковым маслом смесью специй и соли и смазал рыбу. Затем проткнул ее тело поперек двумя металлическими длинными штырями и поставил возле огня — внутренней стороной к огню. Выхватил из контейнера следующего брыкающегося карпа. Ударил рыбу головой об стену, она обмякла. Положил на доску для разделки.

Спустя час Фарадж выдернул штыри с рыбой. Пять больших рыб при четырех тарелках гарнира и трех соусницах живописно разместились на трех серебрянных подносах. Карпа по тысячелетнему рецепту мы запивали пивом «Farida», которое производилось в осажденном религиозными радикалами Багдаде.

Под утро я с французенкой уехал с тусовки на такси. Немецкая курдянка к тому времени пропала. Курды утверждали, что она ушла спать, однако некоторые из их компании тоже пропали — пользовали пьяную невменяемую девку? Венгерка продолжала держаться и вела беседы на тему современной арабской литературы. Она нахваливала недавно вышедшую книгу иракского автора «Франкенштейн в Багдаде». Мне запомнилось, с каким восторгом в голосе венгерка произносила название книги — словно имя своего нового бойфренда.

Вернувшись в дом французенки, я не раздеваясь завалился на кровать. «Спокойной ночи», — сказала она. Я попытался ответить, но вышло мычание. Она закрыла дверь в комнату, которую отвела под мою спальню.

А дальше мне приснилась ты. Я не видел тебя во сне уже несколько лет. Три или четыре — не меньше. Вспоминал про тебя, конечно. Но в сны ты ко мне не являлась, тут я над тобой одержал победу — сорвавшая меня с катушек зазноба, хоть где-то я смог тебя победить. Алла-алла, как говорят арабы, когда слишком удивлены: Ирак, да ты понятия о нем не имела, я уверен! И влезаешь в мой сон в истоптанных кроссовках, произведенных в русском городе Кимры, и со своей улыбочкой краем рта. Мы ехали в кузове грузовичка, китайского, такие имеются у каждой сельской семьи в Сирии. Про Сирию говорю точно, ее-то знаю лучше, чем Ирак, посещал чаще, чем Ирак. То есть ты влезла в мой сон с конкретными образами, связанными именно с Сирией, а не с Ираком. Мы едем, твои длинные волосы по ветру, улыбаемся друг другу, держимся за мятые железные борта, холмы и древние глиняные постройки пронесят-

ся мимо. Мы просто едем, мы счастливы от движения в неизвестное, иногда водитель, носатый сморщенный араб, голова его обмотана бедуинским красно-белым платком, высовывается в окно и спрашивает: «Все хорошо?» Мы киваем и говорим, что у нас все в порядке: «Мафи мушкеле». Снова твои волосы по ветру, улыбки, миндалевидные глаза, месопотамские пейзажи. Одну ногу ты отставила назад, другую немного согнула в колене, чтобы легче держать равновесие. Я проснулся от ощущения, что мы приехали, куда хотели. В голове продолжала звучать песня, которая доносилась из кабины грузовичка. Надо мной белый потолок. Я в ботинках на кровати, за приоткрытым окном разворачивалась привычная торговля одной из периферийных улиц Сули: голоса, запахи, заикающиеся крики ишаков.

Через несколько дней в шаланде переправился от иракских курдов к сирийским. В Сирии четыре года творилась самая лютая с начала XXI века война. Местные курды, чтобы выжить, создали свои ополченческие формирования. Наличие оружия помогло им с одними группировками договориться о нейтралитете, а другие, наиболее радикальные, состоявшие в основном из иностранцев, отгонять периодически от своих районов. Курды также провозгласили, что будут создавать автономию на социалистических принципах, народовластие советского типа. Из-за их социалистического эксперимента в условиях боевых действий я к ним и поехал.

На сирийском берегу Тигра мне выдали написанную от руки бумажку со штампом — она должна служить основным удостоверением моей личности в районах под курдской властью. Девушки в военной форме, но без знаков различия, вежливые и благодушные, на ломаном английском объяснили, в какую машину мне сесть, чтобы доехать в город Камышлы, где меня встретит представитель Союза свободных журналистов и поможет сориентироваться в здешних запутанных условиях. Это был микроавтобус. В салоне сидели сирийцы, с которыми я переправлялся в шаланде с иракского берега. «Камышлы?» — весело подмигнул мне, единственному иностранцу, водитель. «Камышлы». Водитель жестами показал, чтобы я пересел вперед рядом с ним, а парня, сидевшего впереди, отправил в салон. Одна из девушек в военной форме дала ему лист — список пассажиров, заверенный штампом, и мы поехали.

Мы пересекали ту самую холмистую Месопотамию, которая мне снилась в Сули. Серая земля в зеленых проплешинах свежей травы и ярко-голубое, словно хорошенько отмытое, небо — ранняя весна, первые числа марта. Клювы неработающих нефтяных качалок торчали между холмами и на их вершинах. «Война. Нефть покупать из Сирии нельзя. Нефть стоп», — на примитивном английском объяснил мне водитель.

Прорываясь через тарахтение двигателя, послышался гул самолета. Я высунул голову в открытое окно, пытаясь разглядеть самолет. Не рассмотрел. Гул удалялся. Водитель показал в ту сторону, куда летел самолет: за холмами раскрывался бежевый бутон разрыва. Спустя несколько секунд дошел звук впевнившейся в цель бомбы или ракеты. «Америка бум-бум террористы», — радостно объяснил водитель. Вот такая война: в нее втянулись полсотни стран, сложное вооруженное месиво на небольшом клочке земли под названием Сирия, десятки группировок сцепились в кровавом супе. Настоящая мировая война — если оценивать по количеству участников и разнообразию столкнувшихся идей. Мировая война локального масштаба. Расклады меняются если не еженедельно, то ежемесячно — никаких сомнений. Мне надо успеть пожить в курдском социалистическом эксперименте, пока русских здесь не объявили врагами. Я кивнул водителю в знак согласия. Мы ехали дальше по древней месопотамской земле.

Между двух холмов, сжимая дорогу до узкой горловины в одну полосу, бетонные блоки. Над блоками красный флаг, перед ними — два пацана в поношенной военной форме и с автоматами. Блокпост. Микроавтобус остановился. Водитель, спустив не-

принужденно руку через окно, перекидывался фразами с пацанами. Те, обрадовавшись, заглянули, чтобы увидеть меня: «Халлоу, май френд». Кивнул им приветственно. «О'кей. Хорошие мальчики», — сказал водитель, показав мне большой палец в кулаке. Тронулись. Я помахал пацанам на прощание. Они — в ответ.

Я жадно вглядывался в окружающую реальность. Ничего не упустить. Хотя ничего особенного пока не попадалось. Сюда еще не заезжали журналисты из России. Да в России вообще особо ничего не понимали, что тут происходит. Продолжалась война на Донбассе, начавшаяся около года назад, — в общем, не до Сирии.

Снова блокпост. Никаких проверок. Попали в городок. «Румейлан. Очень-очень хорошо и красиво», — водитель. Ничего особенного — квадратный бетонный городишко, каких я перевидал десятки, если не сотни в разных углах Ближнего Востока. К фонарным столбам приторочены желтые треугольные флаги с красными звездами, на стенах домов портреты курдского вождя, сидящего пятнадцать лет в турецкой тюрьме, Абдуллы Оджалана. Старые автомобили японского производства — много пикапов, мотоциклы, много вооруженных подростков, много вооруженных девушек. Городок закончился. Блокпост и опять равнина в холмах и клювах нефтяшек.

Мы миновали пару городков, несколько сел, с десяток блокпостов перед тем, как водитель важно объявил мне: «Камышлы». Снова по обеим сторонам от дороги кубические с длинными балконами бетонные многоэтажки, мусор в переулках, треугольные флаги, патрули, старые автомобили. Выехали на круглую площадь и остановились. «Финиш?» — я водителю. Он показал, чтобы я оставался на месте: двигал ладонями, будто придавливал меня к сиденью, и качал головой, прикрыв глаза, — вид умиротворенного, никуда не спешащего посетителя кофейни, убеждающего и меня никуда не спешить. Я пожал плечами и отвернулся к тротуару. На тротуаре стоял чернявый мальчик: растянутый свитер крупной вязки, темно-синие замызганные брюки — похожи на часть школьной униформы. И светло-голубые истоптанные кроссовки с белыми полосками по бокам. Вспомнил, что видел тебя во сне точно в таких же кроссовках! И в настоящем у тебя имелись точно такие же. Вспомнил, как ты стояла в них на берегу мутной и широкой сибирской Оби поздней осенью, серый песок под ногами, смотрела мимо меня и устало говорила, как бы мысли вслух: «Не знаю, что делать с собой. Постоянные мысли о тебе мешают мне чувствовать мир вокруг. Не получается контролировать себя». А я в ответ ухмыльнулся — гордый собой самец...

«Гоу, йалла», — выдернул меня из воспоминаний водитель, и машина тронулась.

Плутали в узких улицах. Плакатов и флагов на стенах гораздо меньше, чем на той широкой, по которой ехали прежде, совсем нет вооруженных патрулей, зато гораздо больше просто гражданских: мужчины болтали, женщины чем-то занимались на балконах и перед домами, дети играли — перед лобовым автомобиля пролетел футбольный мяч. Остановились возле одного из типичных домов. Он плотно, стена к стене, втиснут в ряд таких же домов. Водитель указал на невзрачную табличку: надпись на арабском, курдском (диалект курманджи, латиницей, самый распространенный среди сирийских курдов) и арамейском (это вообще буквы из категории финикийских алфавитов). Я из надписи на курманджи понял, что здесь расположен Союз свободных журналистов (Ракхандина азад — словосочетание, которое записала в моем блокноте девушка на погранпереходе). Высаживаюсь, захватив рюкзак. Водитель тоже вышел из машины. Задрал голову к верхним этажам, закричал: «Масуд!» Второй раз. Третий. Я присоединился, сложив руки рупором: «Масу-у-уд!» Высунулась через балкон соседка. Водитель переговорил с ней. В итоге поблагодарил («Шукран джазилян» — по-арабски, говорили они на арабском) и мне показал на машину: «Масуд дом едем».

Дом Масуда за пределами города, в частном секторе. Этажей меньше, небо шире, простора больше, гуляли на пустырях и вдоль улиц козы, ветер гонял мусор. Слева

в паре сотне метров видны наблюдательные вышки под остроконечными крышами. «Турция, Турция», — кричал отчего-то радостно водитель, указывая на вышки. Он вовремя притормозил, чтобы не раздавить вяло бредущую через дорогу собаку. Высунулся из окна и яростно выругался на ее: «Муаррас!» Та — ноль внимания.

Свернули с дороги, машина затряслась по ухабам и остановилась перед одним из домов, чей двор опоясывал глухой каменный забор. Водитель длинно посигналил. Нагнул голову в окно: «Масуд!» Открылась зеленая дверь, на улицу торопливо вышел паренек чуть младше меня по виду, с очень озобоченным лицом. Я покинул машину. «О-о-о, приветствую в Камышлы. Как добрались?» — паренек подошел ко мне, пожал руку, обнял и коснулся дважды висками моих висков. «Масуд». — «Александр. Из России. Журналист и политический активист, коммунист». — «О-о-о, хорошо, коммунист — очень хорошо». Он поздоровался с водителем и пригласил нас в дом. Мы прошагали через сад — в клумбах цветы с завязями бутонов — в гостиную комнату. На полу вдоль стен расстелены матрасы на коврах, в центре комнаты — чайник, поднос со стаканами, сахаром и печеньем. Двое болтающих по-английски европейцев. Позади одного — каска и бронежилет с наклейками PRESS, громоздкая фотокамера. Я поздоровался с европейцами: «Салам». Они встали и протянули руки для пожатий. «Винсан», — представился один. «Роберто», — назвал тот, позади которого уложены средства индивидуальной защиты и камера.

Отступление. Роберто — испанец, независимый фотограф и оператор, рассказал он позже в тот день, вечером за ужином и бесконечным чаем. Специализировался на фронтовых съемках. Использую прошедшее время, потому что в конце апреля 2021-го (через шесть лет после моего знакомства с испанцем) поступили новости, что Роберто погиб в засаде радикальной повстанческой группировки в африканском Буркина-Фасо. Фрайле — фамилия Роберто. Его подстрелили с другим испанским журналистом. Они ехали в сопровождении правительственных солдат, чтобы сделать сюжет о том, как те зачистили территорию национального парка Пама от радикалов-повстанцев. Плохо зачистили. Кроме двух испанских журналистов, при нападении погибли один гражданин Ирландии и один местный, троих местных радикалы ранили.

«Вы пока общайтесь. Я помогу приготовить для вас еду и вернусь», — любезничал Масуд. Я и водитель расселись на матрасах. Он сразу достал сигарету и закурил. Я разговаривал с европейцами. Европейцы планировали попасть из Рожавы в сопредельный регион Шенгал, в Ираке, где езиды при поддержке курдских ополчений отбивались от радикальных исламистов. «Этой темой очень интересуются в Европе», — штатный корреспондент французского издания «Ле Мюноте» Винсан. «Советский эксперимент Рожавы неинтересен?» — спросил я. «Интересен, но в нем не столько драматизма, как в истории езидов: радикалы провозгласили, что всех езидских мужчин нужно истребить, женщин забрать в сексуальное рабство, а детей воспитать боевиками-смертниками», — пояснил Винсан.

Вернулся Масуд — внес серебряный круглый поднос с едой: горкой рис на большом блюде, на другом блюде крупные куски вареной ягнятины, третье блюдо с крупно порезанными свежими овощами. Следом за ним вошла женщина — «моя мама», — представил Масуд — тоже с серебряным подносом: крупно нарезанные овощи, соль, хлеб, вилки и ложки.

Я на курманджи отблагодарил женщину, ясно было, что английским она не владеет в совершенстве, не произнесла ни слова, пока распределяла еду на полу, только улыбалась: «Спас». Любопытный Винсан: «Что ты ей сказал?» Объяснил. Тогда и француз

поблагодарил женщину на ее родном языке. «Спас», — повторил Роберто. Масуд остался с нами, а его мама вышла. Зато прибежали двое детей в возрасте 7—8 лет. «Мои племянники: Хадиджа и Хусейн. Хадиджа — имя женщины, которая первой приняла ислам», — пояснил Масуд, руководитель Союза свободных журналистов автономии Рожавы, где формировалась советская власть и чье ополчение сражалось против радикальных исламистов.

«Мы обсудили с Винсаном идею поездки», — заговорил торопливо Роберто. «Хорошо, хорошо, — поднял руки вверх Масуд. — Мы, конечно же, обсудим вашу поездку, и я постараюсь для вас сделать все в лучшем виде. Прежде поешьте, будем пить чай. Хотите курить кальян? Будем курить кальян и обсудим. Прежде вы должны поесть. Такова наша традиция. Дела никуда не денутся», — старательно улыбаясь, объяснял Масуд нервничающему испанцу.

Вокруг все время крутились его племянники, открыв рты, замороженно наблюдали, как едят трое людей непонятных им национальностей, пришельцев, представителей других миров. Я перекидывался с ними простыми фразами на курманджи: «Как тебя зовут? Сколько лет?» Они охотно отвечали и добавляли что-то мне непонятное, много слов, некие истории. Масуд переводил. Водитель поел немного. Скурил очередную сигарету. Крякнул, поднялся, опираясь руками в колени, и стал прощаться с Масудом. Тот встал и пожал ему руку, обменялись прикосновениями висков. Водитель сказал нам, иностранцам: «Буе-буе», — помахал рукой. Мы вежливо помахали в ответ. Выходя, водитель поцеловал Хадиджу в макушку. Масуд последовал за ним. Племянники умолкли и сели вдоль стены, поглядывали на нас, отводили глаза, если пересекались взглядами с кем-то из пришельцев. Роберто опять заговорил с Винсаном о планируемой поездке в Шенгал.

Масуд вернулся в сопровождении юноши с рюкзаком. Рюкзак висел на одном плече. «Сулейман. Наш молодой фотограф, нашего Союза свободных журналистов. Только что с линии фронта — из Тель-Тамар», — представил его нам Масуд. Юноша возбужден. Скинул рюкзак. Достал из него фотоаппарат, включил. На ломаном английском и с помощью Масуда объяснил, что наснимал почти три десятка трупов — убитые курдскими ополченцами радикалы-иностранцы. Француз, я, испанец и Масуд расселись вокруг Сулеймана, и он показывал нам обгоревшие тела на мониторе камеры. Тела с раздранными ранами, в исполосованной военной форме сложены аккуратно в ряд. «Они — русские, из твоей страны. Похожи?» — сказал Масуд. Монголоидные черты у тех, у кого можно различить лица, черные волосы — скорее, татары или ногайцы, может, узбеки, если они действительно из бывшего СССР. У их ног — автоматы и пулеметы, оружие, которое не спасло жизни убитых. «Мне надо на самую линию соприкосновения. Хочу поснимать атаку, бой», — обратился к Масуду Роберто, зависть слышна в его голосе.

Потом мы пили чай, курили кальян, продолжались разговоры. Приходили еще родственники Масуда, соседи и друзья из города — после окончания рабочего дня. Только мужчины, никаких женщин.

Общение затянулось до поздней ночи. Я объяснил Масуду, что меня, конечно, интересуют руководители местных политических и гражданских организаций, но мне хотелось бы понять структуры рожавского устройства на разных уровнях, так что я хочу увидеть обычную жизнь местных деревень и городов. «И я постараюсь это сделать собственными силами». Масуд ответил: «Нет, мы не можем допустить, чтобы ты подвергал себя опасности. Мы тебе во всем поможем». Местные рассказали историю молодого журналиста из Швеции, который попал в прошлом месяце на неделю в плен к сирийской госбезопасности — в Камышлы дислоцировались части правительственных сил Сирии. Но русскоговорящий местный парень Агид, очередной родственник

Масуда, пояснил, что швед сам виноват: он стал фотографировать сирийских солдат, спровоцировал их на то, чтобы они его задержали.

Наконец я просто завалился на один из матрасов и накрылся одеялом. Заканчивался очень длинный день. Я засыпал, а разговоры продолжались.

На следующее утро за мной приехал микроавтобус. Масуд договорился, что я буду жить в гостевом доме при исполнительном совете в городке Амуда — административном центре Рожавы. «В медицентре при совете есть молодые англоговорящие ребята. Они помогут тебе узнать о Рожаве, что тебе требуется», — напутствовал меня Масуд перед отъездом.

Амуда в 10 раз меньше Камышлы — около 30 тысяч жителей. И в отличие от Камышлы — моноэтническая, население состояло почти исключительно из курдов. Поэтому город под полным контролем курдских ополченцев. В Камышлы население смешанное: арабы, курды, ассирийцы, армяне и турки. Смешанный вооруженный контроль. Например, одно ассирийское ополчение действовало совместно с сирийской армией, а другое — с курдами. Номинально сирийская армия и курдские ополченцы — союзники, однако случались и стычки, короткие перестрелки с ранеными. Опять же случай со шведом, который приехал посмотреть на Рожаву. Понятно, почему администрацию Рожавы разместили в Амуда. Утром, пока ждали прибытия микроавтобуса для меня, Масуд просвещал по поводу местных административно-этнических нюансов.

Амуда расположена вплотную к турецкой границе. Мы ехали к ней вдоль колючей проволоки и вышек с турецкими пограничниками. Маленький аккуратный и более чистый, чем Камышлы, город. Подкатили к коробке здания с внушительным баннером на два этажа. Надпись на курманджи, арабском и арамейском — исполнительный совет Рожавы. Водитель отвел меня к главе медицентра. Тот, кроме «хеллоу» и «хау ар ю?», ничего на английском не знал. За руку отвел меня в соседнее здание, где размещался медицентр. В здании не закончились отделочные работы. Мешки со строительными смесями, ведра, мастерки, шпатели, грязные тряпки, поддоны. Поднялись на второй этаж. Зашли в помещение с голыми бетонными стенами: стол с ноутбуками в центре, неудобные пластмассовые стулья, выдавший виды шкаф-секретер (зачем?), несколько ребят помладше меня, которые сразу повставали со своих мест, когда я и их начальник вошли... И я увидел тебя. Рост, взгляд, улыбка, фигура, до кома в горле знакомый носик с небольшой горбинкой. Ты протянула ладонь, чтобы я пожал ее, самой последней. «Берфин», — представилась ты в своем курдском обличье. Такие же миниатюрные теплые руки. Ты прекрасно говорила на английском. Как я не скрывался от тебя, от наших рухнувших отношений, ты нашла меня. Где меньше всего ожидал. Сирия, сложная война, курдский язык, советский эксперимент — Господи, как тебе удалось?!

Разумеется, все последующие дни я занимался тщательным исследованием, пожалуй, даже расследованием месопотамской революции, которую творили курды со своими союзниками. Узнавал, как функционирует система народовластия, экономика в условиях блокады, как пострадавшие и родственники сами, без привлечения властей, определяют меру наказания для провинившихся, как набирают новых бойцов в ополчение... Про ополчение ты мне много рассказала. Оказывается, ты мечтала попасть в его состав — женские отряды, у курдов появились такие подразделения. Религиозные радикалы их очень опасались — радикалы верили в то, что если их убьют женщины, то они не попадут в свой рай. «Одна моя подруга-ополченка погибла. Я меч-

тала занять ее место. Мне отказали. Командир отряда сказала, что я очень умная, знаю английский, я должна помогать на другом фронте. Поэтому я оказалась в медиацентре», — рассказывала Берфин. Она (ты) родилась в Амуда 21 год назад (вот так номер, ведь мои с тобой отношения начались, именно когда тебе и мне было по 21-му году, ты повернула время вспять и встретила меня снова 21-летней!). Училась в университете в Алеппо на факультете иностранных языков. Началась война, вернулась домой. Курды взялись за организацию Рожавы — они называли этот процесс «революция», «месопотамская революция», «первая современная революция Междуречья». Действительно много признаков революционности. Я подробно описывал увиденное-услышанное-узнанное за день, готовил по вечерам в медиацентре длинный текст, который опубликовывал в сетевом издании, вернулся в Россию. Ребята сидели на соседних местах за столом, и я что-то уточнял у них. Мы питались шаурмой, у нас не имелось времени на приготовление другой еды или долгие посиделки по ресторанам. Ты обычно уходила после пяти вечера домой. Дома тебя ждали мама и младшие братья и сестры, папы у вас не было — бросил семью несколько лет назад и уехал в Турцию. Домой на ночь уходили руководитель медиацентра Фархад, курдянки Надия и Асия. Араб Таляль, езид Сами ночевали со мной в гостевой комнате медиацентра на третьем этаже. Семья Сами проживала в 50 километрах к западу, недалеко от фронтового Тель-Тамара. Таляль — из Камышлы, уезжал к семье на выходные.

Так как ты и Сами лучше остальных в медиацентре говорили на английском, вас часто прикрепляли к иностранным делегациям и журналистам, прибывавшим в Амуда. Меня уже через пару дней стали считать своим в медиацентре, поэтому мне сопровождающие больше не полагались. Фархад лишь настаивал, чтобы за пределы Амуда я выбирался обязательно с кем-то из его ребят.

Ты очень хотела попасть на фронт, чтобы увидеть своими глазами передовую. Но делегации и журналисты избегали туда отправляться: радикалы в Сирии обезглавили к тому моменту несколько иностранцев, включая журналистов, европейцев и американцев. Видео казней широко разошлось по мировым медиа. Дорога до Тель-Тамар полностью не контролировалась. По пути, вероятность существовала, радикалы из засады атаковали бы конвой с иностранцами — первоклассная мишень для них. Ты уговаривала: «Давай убедим Фархада, чтобы нас отвезли на фронт. Ты — иностранец, он должен согласиться. Скажи, что хочешь увидеть наших ополченцев в действии, с иностранными добровольцами поговорить». И я убедил Фархада. Когда сказал тебе, ты меня даже обняла. Кратко, не успел почувствовать — те ли это объятия, которые были между тобой и мной когда-то, давно, в другом мире, в совершенно других обстоятельствах.

В Тель-Тамар требовалось выехать рано утром. Фархад ходил хмурый возле микроавтобуса. Он засомневался в последний момент. «Два дня назад в Тель-Тамар погибла девушка-доброволец из Германии, африканка, воевала в составе женского курдского ополчения. Фархад очень опасается за твою безопасность. Мы должны беречь иностранцев», — объяснил Сами. Ты смотрела на меня растерянно. «Неужели не получится съездить?» — читалось в твоих глазах. Я попросил Сами: «Скажи, пожалуйста, Фархаду, что теперь-то мы обязательно должны съездить, чтобы я написал, ради чего погибла девушка из Германии, поговорить с теми, кто был вместе с ней, рассказать о том, в каких условиях приходится сражаться вашему ополчению с радикалами, чтобы в России обратили внимание на вашу борьбу». Вообще-то, в Рожаве я старался избегать разных пафосных речей и манер, что обычно необходимо в общении на Ближнем Востоке. Фархад внимательно слушал, Сами явно что-то добавлял и от себя, свои

доводы. Через полчаса мы все-таки выехали. Асфальтированная дорога через зеленую равнину — за прошедшие солнечные теплые дни природа развернулась по полной. Встречного и попутного транспорта становилось меньше и меньше. На блокпостах нас пропускали, когда Фархад показывал полученную им перед самым отъездом в исполнительном совете Рожавы бумагу. Мы въехали на блокпост, который представлял собой лабиринт из земляных насыпей. «Поворот на мою деревню. Два месяца назад на перекрестке взорвался террорист-смертник на заминированной машине. Пять человек погибли. Один мальчик — он сидел с отцом на посту после школы. Поэтому наши сельские ополченцы сделали сложный пост, чтобы укрыться, если снова заедет смертник», — объяснил Сами. Мы остановились. Вышли. Сами познакомил Фархада, меня, Берфин и нашего водителя с односельчанами, вооруженные ружьями и «калашами» крестьяне — явно не воины. Мы из вежливости уделили им несколько минут и продолжили поездку. «Дальше 25 километров дороги никем не контролируются». Действительно трафик совсем пропал — ни автомобилей, ни мотоциклов, ни пастухов со стадами в отдалении. «Вообще-то, полагалось бы, чтобы нас сопровождал пикап с ополченцами», — перевел слова Фархада Сами. Я вспомнил, как Роберто горячо обсуждал с Масудом, сколько ополченцев смогут сопровождать его выезд в Шенгал, так как на дороге возможны засады неприятеля. Испанец настаивал, что должно быть не менее пяти бойцов. Он интересовался у Масуда, сколько нужно заплатить, чтобы сопровождение состояло из десяти бойцов.

Я рассматривал ровное зеленое поле вокруг. Устраивать днем засаду в непосредственности близости от шоссе глупо: ее заметно издалека. Хотя можно и засесть вон на том холме, сколько до него — километра три? Достаточная дистанция, чтобы снести наш микроавтобус с дороги попаданием противотанковой управляемой ракеты. Затем примчаться на пикапе — кого-то из выживших добить, кого-то взять в плен, чтобы в последующем казнить перед видеокамерой. Если выживем все пятеро, кого будут добивать радикалы? Точно — водителя. От него никакого политического или материального навару. Фархад? Если скажет, что руководитель медиацентра Рожавы, то возьмут для обмена или выкупа. Если докажет, что руководитель — иначе долго возиться не станут. Сами, если узнают, что он езид, сразу же пристрелят. Кем ему представиться, чтобы не добились? Иностранцем может назваться — у него великолепный английский, пакистанец из Лондона или турок из Берлина. Тогда оставят в живых, чтобы позже казнить. Точно меня имеет смысл сохранить живым — у меня ярко выраженная славянская внешность, ясно с первого взгляда, что я не с Ближнего Востока. Берфин — конечно, тебя оставят в живых. Тебя можно объявить ополченкой или «распутной девкой Рожавы». Перед публичной казнью. Не исключено, что перед тем, как отрубить головы, тебя и меня поставят рядом. Меня представят как опасного «русского шпиона», тебя — моей любовницей, женой, подельницей. То есть меня с тобой «обвенчают» террористы-радикалы перед самой смертью. Ты же мечтала, чтобы мы обвенчались...

На горизонте видны черные дымы. «Тель-Тамар», — объявил, к счастью, живой водитель. Дымы становились жирнее, отчетливее низкие кубические домики. Перед въездом в город указатель, простреленный: сколько километров до Алеппо, Хомса и Дамаска. Указатель есть, но добраться до этих городов невозможно: они отделены от Тель-Тамар не километрами, а слоями фронтов и враждующих фракций. Только для птиц и зверей продолжали существовать расстояния с указателей.

Мы подъехали к блокпосту — его охраняли несколько вооруженных девушек в военной форме. «Сестры, они — мои сестры!» — счастливым голосом ты сообщила мне. Не понял, что конкретно имеешь в виду. Микроавтобус остановился, ты вышла и обнялась по очереди с ополченками. Щебетание молодых женских голосов. «Можно

фотографировать и брать интервью у девушек, если тебе нужно», — сообщил Сами. Ополченки стеснялись моей простенькой фотокамеры, отворачивались. Ты убеждала их попозировать. Нет, отказались. Предложили поснимать других ополченков, которых мы увидим в городе.

Через полчаса, узнав детали обстановки, поехали глубже в город, ближе к передовой. С нами отправилась одна ополченка в качестве сопровождающей. Жителей совсем нет. Улицы пусты. По каменному забору шагала, осторожно перебирая ногами, тощая кошка — истошно заорала, повернувшись к нам. Время от времени слышны стрекотания перестрелок. Ополченка подсказывала водителю, где сворачивать. Выехали к бетонным блокам, наглухо перегораживающим проспект. Ополченцы, пикап-тачанка — крупнокалиберный пулемет направлен в сторону дальше по проспекту. «Дальше нельзя, самый край наших позиций». Микроавтобус свернул налево и ехал по улочке вдоль, как я понял, линии фронта. Стрекотание перестрелок, судя по уровню звука, в нескольких кварталах отсюда. Вкатились во двор больницы — в ней разместилась основная передовая база курдских ополченцев. На стоявшем под деревом гинекологическом кресле сложены заряды к ручному гранатомету. Высыпали из здания несколько бойцов. Познакомились, разговорились. Боец по имени Ахмат повел меня, Сами и Берфин к земляной насыпи позади больницы. За насыпью — поле длиной метров 200, за полем деревня, из которой взлохмаченным косым столбом вкручивался в облачное небо черный дым. «Деревня называется Тель-Шамиран. Ее занимают террористы. С час назад по террористам отбомбилась американская авиация. Дым — с разгромленных позиций врага».

Мы ходили по передовым позициям, общались с бойцами — Фархад и водитель остались с командирами пить чай. Осматривали близлежащие кварталы. Прошли мимо позиций, которые занимало сирийское ополчение — над зданием их штаба флаг. «Ассирийский», — пояснил Сами: на белом фоне голубая четырехконечная звезда, от которой крестообразно отходят четыре сине-красных полосы. На стенах штаба граффити на арамейском языке, древнейшем языке христиан.

Бойцы курдской самообороны рассказывали, что среди убитых радикалов много «китайцев». Они наглядно показывали — растягивали пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, сирийский курд, который работал в госпитале Красного Полумесяца, разъяснил, что это узбеки, или киргизы, или казахи, а может, туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой республике Молдова, он лучше разбирался в национальностях. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — гневался доктор. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы воюют за террористов».

Несколько добровольцев из Европы, воюющих на стороне курдов, которых мы встретили на тыловых позициях, рассказали, что неоднократно слышали, как радикалы переговариваются в радиозфире на английском. «Но те из убитых, кого я видел, — сказал один из иностранцев-добровольцев, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак или Саудовская Аравия. Южные арабы». Иностранцы просили не фотографировать их, не спрашивать их национальность и имена. «У нас дома тоже отморозков хватает, понимаешь?» — объяснил один из добровольцев с ярко выраженным французским акцентом. Не скрывал своей национальности, имени и лица 50-летний техасец Джон. Он — бывший американский морпех. Сказал, что среди исламистов очень много профессионалов, людей, понимающих, как грамотно вести боевые действия.

Мы весь день провели в Тель-Тамар. Ближе к вечеру курды отгоняли свою бронетехнику на тыловые позиции с передовой. Ты забралась на танк Т-55, облитый пред-

закатным золотистым светом. Заглянула в открытый люк. Внутри никого. Тебе очень хотелось залезть внутрь, ты оглядывалась, кого бы спросить. У меня случилось дежавю. Твоя поза, ищущий взгляд, зеленая трава и ветхие домики вокруг — видел это, точно видел. Одну ногу ты отставила назад, другую немного согнула в колене, чтобы легче держать равновесие. Пытался вспомнить: где же? Похоже, тогда на Алтае, ехали с тобой в кузове грузовика: разболтанный ГАЗ-66 удалялся от труднодоступной многолюдной деревушки в сторону перевала, мы обсуждали, как будем выпрыгивать, если машина сковырнется в обрыв, — мы обожали друг друга. Дежавю скоро закончилось. Я снова в Сирии, фронтовой городок, вооруженные мужчины и женщины, протяжный гул пролетающего над нами в облаках военного самолета. Появился Фархад. Он сообщил, что нам пора уезжать, чтобы засветло вернуться в Амуда. Напомнил, что 25 километров дороги от Тель-Тамар в сторону Амуда не подконтрольны ополчению. Мы тепло и долго прощались со своими новыми знакомыми. Они шутили, чтобы обязательно приезжали к ним в гости снова. Благодарили нас за визит.

Покинув Сирию, проехав через Ирак в Турцию, я застрял на несколько дней в Стамбуле, Измире или Кютахье — не помню точно. Несколько спокойных дней в квартире знакомых. Пересматривал фотографии, сделанные в Рожаве. Попадалась та, где ты на башне Т-55. Мучительно размышлял, действительно ли я видел тебя точь-в-точь такой же на Алтае. Сколько лет тебе было на Алтае? Тоже 21? Сколько лет назад случился тот Алтай? Ты меня по-прежнему не отпускаешь. Являешься в сны, а потом и в явь, разговариваешь на диковинных языках и рассказываешь о мечтах, в которых никогда бы тебя не заподозрил. Ты успела мне по дороге от Тель-Тамар до Амуда рассказать, что значит твое новое имя, Берфин, в переводе с курдского — название одного из первоцветов. Ты показала на мониторе телефона снимок этих цветов, который сделала сама. Похожи на подснежники, но с розовым оттенком. Бело-розовые лепестки. Странное ты себе новое имя выбрала, ведь розовый раньше тебе совсем-совсем не нравился.